

ВОКРУГ БОЛЬШОГО
В МОСКВЕ

ЧЕЧИЛИЯ БАРТОЛИ:
МЫ ВСЕГО ЛИШЬ ПОСРЕДНИКИ
МЕЖДУ КОМПОЗИТОРОМ И ПУБЛИКОЙ

Своей вишней маня... 2001... (ММ) Яковлев

Фото Михаила Лосенцова

Чечилия Бартоли в ложе Большого театра на следующий день после концерта в БЗК

Bartoli Чечилия
1990
06.02

Чечилия Бартоли, согласно неписаной табели о рангах сегодняшних вокалистов, может по праву считаться *primadonna assoluta* в мировом масштабе. Об этом свидетельствует не только ее феноменальная певческая техника, для демонстрации которой певица находит из года в год новые «плагиат-дармы» — последними стали арии из забытых опер Вивальди и итальянских опер-серия Глюка. Об этом говорит прежде всего артистический радикализм Бартоли — художника, ищущего за каждой нотой глубинным человеческим переживанием, умещающего уходить с головой, до самого предела, в воображаемые миры скорби и счастья.

Радиостанция «Эхо Москвы», и прежде всего ее передача «И музыка и слово» (Алексей Парин при участии Сергея Бунтмана), с 1992 года следит за артистическим путем выдающейся итальянской певицы и сумела даже создать среди слушателей что-то вроде фан-клуба Чечилии Бартоли. Неслучайно примадонна, ведомая своим российским импресарио Владиславом Тетеринским, сразу из аэропорта, накануне концерта (он состоялся 2 мая в Большом зале консерватории), приехала на радиостанцию и дала там интервью в прямом эфире. Текст и впервые публикуется с любезного разрешения «Эха Москвы».

Сергей Бунтман: Вы устали с дороги? Чечилия Бартоли: Нет, совсем не устала.

СБ: Вы всегда готовы к выступлению, к разговору с журналистами?

ЧБ: Конечно, я открыта для разговора.

Алексей Парин: Тогда мы прямо приступим к вашему искусству, к вашей музыке. Ваша карьера, как у многих примадонн прошлого, началась очень рано. В прессе рассказывается о загадочной телепередаче, в которой вы участвовали в девятнадцатилетнем, — и сразу стали знаменитой. Так ли это?

ЧБ: Я начала учиться пению у своих родителей, когда мне было пятнадцать лет. Хочу подчеркнуть, что именно мои родители научили меня правильно петь. Общее музыкальное образование я получила в консерватории — и начала обычный для начинающих путь прослушиваний. И в этот момент меня вдруг вызвали во Францию — там заболела певица, и я должна была выручить организаторов передачи. Эту передачу, на мое счастье, увидел maestro Баренбойм, который в то время был главным дирижером Парижской Оперы. Меня пригласили на прослушивание в Париж, и постепенно моя карьера начала набирать обороты.

АП: Одна из ваших ранних записей — Розина в «Севильском цирюльнике» на Швейцарском фестивале. К счастью, спектакль был снят для телевидения, есть видеозапись. Это ваш сценический дебют — или вы до этого уже выступали на театральных подмостках?

ЧБ: Вы правы, моя первая роль — Розина. Но дебют состоялся на сцене Римской Оперы чуть раньше.

АП: Вы пересматриваете сейчас записи своих первых спектаклей, слушаете то, что записали в первые годы карьеры? Если слушаете, то нравятся ли они вам?

ЧБ: Да, я слушаю свои прежние записи. Но всегда помню вот что: диск — это фотография одного мгновения. Он нужен прежде всего для того, чтобы развиваться дальше, чтобы из критического отношения к самому себе возникли новые творческие импульсы. Мы смотрим на фотографию пятилетней давности и думаем: вот так я выглядела тогда — а теперь выгляжу иначе. Лучше или хуже, сказать нельзя. Было так, а теперь по-другому. Вот и все.

АП: Ваши интерпретации отличаются необычайной спонтанностью и живостью. Сравнивая ваше исполнение «Испанской канцонетты» Россини 1990 и 1998 годов, мы понимаем: перед нами разная музыка. Это тоже фотографии двух разных моментов вашей творческой жизни?

ЧБ: Отпечатки, связанные на глубинном уровне с определенными периодами жизни, с определенным возрастом. В основе — меняющиеся эмоции, их строй.

СБ: Мы привыкли к тому, что Чечилия Бартоли надо не только слышать — ее надо непременно видеть. Вы актерски всегда доигрываете то, что поете в музыке. Нет, нет, не отрицайте этого мимикой! Жесты, взгляд, бросаемый в зал, принимаемая вами поза — вы их берете из музыки? Как это у вас получается? Есть у вас режиссер — или вы сами себе все придумыва-

ете? Как протекает ваша театральная работа над концертным репертуаром?

ЧБ: Если ты решил стать оперным певцом, то надо научиться работать над качеством звука и получать удовольствие от пения. А добившись красивого звучания, наслаждаясь пением, надо напрямую соединить слово с окраской звука, потому что прежде всего надо научиться при помощи голоса и всех его красок рассказывать историю. А рассказывая историю, ты сам в нее вовлекаешься — и вовлекаешь публику. Вот и получается проявление театра в сольном пении.

СБ: Многие вопросы приходят на пейджер от наших слушателей. Часто певцы заводят талисманы, которые им помогают. Вас спрашивают, есть ли у вас такого рода «обереги», которые приносят вам удачу?

ЧБ: Удача певца состоит в том, чтобы постоянно учиться и постоянно углублять свое мастерство. Удача определяется творческим любопытством — должен сохраняться азарт делать постоянно что-то новое, не останавливаться.

АП: Банальная фраза, которую говорят о больших артистах: когда вы поете концерт, каждому кажется, что вы поете лично для него. Я имел удовольствие слышать ваш сольный концерт на Людвигсбургском фестивале. Один из критиков написал, что Бартоли во время концерта вступает в эротический контакт со всей аудиторией сразу. Мое ощущение вполне совпало с этим определением. Откуда берется такая энергия — чувственная, эротическая, — которая идет от вас в зал?

ЧБ: Ну, начнем с того, что энергию эту прежде всего создает композитор. Я стараюсь определенным образом «обслужить» композитора, сослужить ему добрую службу. Когда я пою Моцарта, я как бы транслирую его энергию заново. Мы, музыканты — певцы, пианисты, скрипачи — все равно какой специальности, — мы всего лишь посредники между музыкой композитора и публикой. И я чувствую колоссальную ответственность перед композитором, музыку которого я должна понять как можно глубже. И я сама себе задаю вопрос: как, через какие чувства я должна донести музыкальную мысль до слушателя?

АП: Когда вы на концертных подмостках одна, вы отвечаете за свои действия самостоятельно. Но когда вы участвуете в спектаклях, рядом есть партнеры, которые не обязательно чувствуют эту ответственность, о которой вы сказали. Пишут: когда Бартоли участвует в спектакле, остальным приходится трудно. Какая разница в ваших ощущениях на концерте и в спектакле?

ЧБ: Знаете, надо ясно понимать, что концерт и театр — это два совершенно разных измерения. Нет, даже не измерения, а системы, в которых все измерения иные. Одно дело — театр, совсем иное — сольный концерт; и даже концерт с оркестром по ощущениям певца существенно отличается от сольного выступления. Более того, для меня очень важно, выступаю я с ансамблем, составленным из старинных инструментов, который стремится к «аутентичному» исполнению, или с современным оркестром. Всякий раз надо настраивать себя особым способом. Театр и концерт — это два разных мира. Когда я выступаю с другими певицами, я стараюсь всегда найти с ними общий язык — и прежде всего через одинаковое ощущение музыки. Режиссер и дирижер только помогают нам составить настоящий ансамбль — но главную работу должны делать мы сами, нам надо искать пути друг к другу через музыку, через понимание искусства. Театр создается только как совместное усилие, нельзя свою работу переложить на партнера! Но и во время сольного концерта я не могу полностью погрузиться в себя — я ведь выступаю с партнером и должна его чувствовать. Музыцирование — это постоянный поиск динамических нюансов, тембровых красок, ритмических тонкостей.

АП: Кажется, ваши наивысшие достижения связаны с сотрудничеством с выдающимся дирижером Николаусом Арнонкурмом. Незабываемое театральное впечатление — сцена смерти Эвридики в опере Гайдна «Душа филозофа», где вам с Арнонкурмом удалось найти какие-то неправдоподобные динамические нюансы.

ЧБ: Да, с maestro Арнонкурмом мы осуществили замечательные проекты. Он открыл всему новому, он приносит с собой новое понимание всей музыки XVIII века. Оперы Гайдна предстали мне абсолютными шедеврами — раньше я знала только симфоническую и камерную музыку Гайдна, оперы оставались terra incognita. А теперь я вижу: оперы Гайдна забыты незаслуженно, это настоящие перлы. С Арнонкурмом я работаю всегда с огромной страстью, с полной самоотдачей — иначе сотрудничать с ним просто невозможно. Его фантазия безгранична, его интерпретации отличаются неподдельной оригинальностью.

СБ: Насколько для вас важно место, в котором вы выступаете, концертный театр или концертный зал? Достаточно вспомнить театр Ла Фениче в Венеции, который, увы, больше нет, или Театро Олимпико в Виченце, — места, наполненные традицией, дышащие историей. Насколько такое место, его акустика, архитектура, история влияют на ваше самоощущение?

ЧБ: Да, конечно, исторический зал — это прекрасно, хорошая акустика важна, но для меня, пожалуй, самое важное — публика, которая пришла в этот зал, настроение, которое с самого первого момента создается в зале.

СБ: Вы заранее пытаетесь создать для себя представление о публике — или оставляете все на момент выхода в зал, когда вы почувствуете публику непосредственно?

ЧБ: Нет, готовиться к определенной публике не надо. Надо просто стараться сразу завладеть ею, передавая непосредственно послание от композитора, которого исполняешь. Самое главное — первый шаг, первая нота. Должен установиться прямой контакт — через музыкальное послание. Другое дело, что публика сама должна быть готовой к нашей встрече, готовой к тому, чтобы всерьез слушать музыку. Нам надо быть открытыми для того, чтобы провести вечер вместе — и узнать, почувствовать что-то новое. Это процесс взаимного обогащения. Театр, концертный зал — это место, где мы вместе можем уйти от повседневного, бытового и предаться «высоким материям». И уйти в глубины своих чувств — испытать горькую скорбь, бурную радость, тихую печаль... В этом моменте взаимного обогащения есть что-то священное. Поэтому я люблю публику, которая готова к такому общению, к такому сотрудничеству.

СБ: Куда вы поведете публику завтра? Не скажете ли вы несколько слов о программе завтрашнего концерта?

ЧБ: Завтра публику ждет оригинальная программа. Первое отделение посвящено музыке Вивальди. Публика знает этого композитора прежде всего как автора «Времен года» и сакральной музыки. Но не надо забывать, что Вивальди — наряду с Генделем — был одним из величайших оперных композиторов своего времени. Во втором отделении я спою арии из опер Глюка, но

только итальянских опер Глюка, полностью забытых. Эти оперы написаны в тот период, когда Глюк сотрудничал с великим Метастазиио, самым крупным оперным поэтом своего времени.

АП: Мой вопрос касается тоже места, только в другом измерении. Вы родились в Риме. Можно сказать, что у вас римский профиль...

ЧБ: (Смеется). Да, это верно.

АП: Что значит для вас Рим? Как он повлиял на ваше восприятие искусства — и мира?

ЧБ: Рим — это мой город, мой дом. О нем можно говорить бесконечно. Даже если взять его маленькую часть, можно посвятить ей часы разговора. Может быть, только на Колизей уйдет целый месяц разговора. (Смеется с удовольствием.) Рим — фантастический город. Всем советую хоть раз в жизни побывать в Риме.

АП: Есть ли еще какой-нибудь город, который вы можете сравнить с Римом?

ЧБ: Еще какой-нибудь город? Нет. Конечно, Париж — красивейший город, но это совсем другое... Есть еще в Италии один фантастический город — это Венеция. Но там опять-таки совсем иная атмосфера, иное пространство. Рим уникален.

АП: Наверное, у нас есть шанс завоевать ваше сердце — через Петербург. Потому что нам хочется, чтобы вы почаще приезжали в Россию.

ЧБ: Да, да, безусловно.

СБ: Может быть, и Москва вам понравится...

ЧБ: Наверняка! Уже в первые мгновения моего пребывания в Москве я смогла оценить красоту вашего города... Вид из окна у вас на радиостанции потрясающий...

СБ: Да, виден храм Христа-Спасителя, Кремль.

ЧБ: Я готовилась попасть в холодный, утренний город — а попала в солнечную, сияющую столицу! У меня такое ощущение, что здесь теплее, чем в Италии!

АП: Вы впервые в Восточной Европе?

ЧБ: Да.

СБ: Хорошо, что вы начали с России. Можно двигаться дальше в разные стороны. Спасибо, что вы к нам пришли! Можно быть, в Москве вам понравится — все-таки Москву называли когда-то Третьим Римом. И мы надеемся, что завтрашний концерт будет только началом долгого романа между Чечилией Бартоли и московской публикой.

ЧБ: Спасибо вам! И до свидания!

Беседовали АЛЕКСЕЙ ПАРИН и СЕРГЕЙ БУНТМАН